

Лев Николаевич Толстой

Ходите в свете, пока есть свет

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т52

Толстой Л.Н.
Т52 **Ходите в свете, пока есть свет / Лев Николаевич Толстой – М.: Книга по Тре-**
бованию, 2012. – 40 с.

ISBN 978-5-4241-3091-5

Творчество великого русского писателя Льва Николаевича Толстого пользуется любовью читателей всего мира. Его произведения вошли в сокровищницу мировой литературы.

Талант писателя многогранен, романы и повести Л. Толстого, детские рассказы и философские произведения, письма и дневники с особой остротой отразили общечеловеческие и сугубо российские проблемы.

ISBN 978-5-4241-3091-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Толстой Лев Николаевич
Ходите в свете, пока есть свет

Лев Николаевич Толстой
Ходите в свете, пока есть свет
Беседа досужих людей

Собрались раз в богатом доме гости. И случилось так, что завязался серьезный разговор о жизни. Говорили про отсутствующих и про присутствующих и не могли найти ни одного человека, довольного своей жизнью. Мало того, что никто не мог жаловаться счастьем, но не было ни одного человека, который бы считал, что он живет так, как должно жить христианину. Признавались все, что живут мирской жизнью в заботах только о себе и своих семейных, а не думает никто о ближнем и уж тем меньше о боге. Так говорили гости между собою, и все были согласны, обвиняя самих себя в безбожной, нехристианской жизни. - Так зачем же мы живем так? - вскричал юноша, - зачем делаем то, что сами не одобряем? Разве мы не властны изменить свою жизнь? Мы сами сознаем, что губят нас наша роскошь, изнеженность, наше богатство, а главное, наша гордость, наше отделение себя от братьев. Чтобы быть знатным и богатым, мы должны лишиться себя всего, что дает радость жизни человеку, мы скучиваемся в городах, изнеживаем себя, губим свое здоровье и, несмотря на все наши увеселения, умираем от скуки и от сожаления, что жизнь наша не такая, какая она должна быть. Зачем же жить так, зачем губить так свою жизнь, все то благо, которое дано нам от бога? Не хочу жить попрежнему! Брошу начатое учение, - оно ведь приведет меня ни к чему другому, как к той же мучительной жизни, на которую мы все теперь жалуемся. Откажусь от своего имени и пойду жить в деревне с бедными; буду работать с ними, научусь работать руками и, если нужно бедным мое образование, буду сообщать его им, но не через учреждения и книги, а прямо живя с ними по-братски. - Да, я решил, - сказал он, вопросительно взглядывая на своего отца, который был тут же. - Желание твое доброе, - сказал отец, - но легкомысленное и необдуманное. Тебе представляется все столь легким, потому что ты не знаешь жизни. Мало ли что нам кажется хорошим! Но дело в том, что исполнение этого хорошего очень бывает трудно и сложно. Трудно итти хорошо по битой колее, но еще труднее прокладывать новые пути. Их прокладывают только люди, которые вполне созрели и овладели всем тем, что доступно людям. Тебе кажутся легкими новые пути жизни, потому что ты не понимаешь еще жизни. Все это легкомыслие и гордость молодости. Мы, старые люди, для того и нужны, чтобы и умерять ваши порывы и руководить вас нашим опытом, а вы, молодые, должны повиноваться нам, чтобы воспользоваться нашим опытом. Твоя жизнь деятельная еще впереди, теперь ты растешь и развиваешься. Воспитайся, образуйся вполне, стань на свои ноги, имей свои твердые убеждения и тогда начинай новую жизнь, если чувствуешь к тому силы. Теперь же тебе надо повиноваться тем, которые руководят тебя для твоего блага, а не открывать новые пути жизни. Юноша замолчал, и старшие согласились с тем, что сказал отец. - Вы правы, - обратился к отцу юноша человек женатый, средних лет. Правда, - сказал он, - что юноша, не имея опыта жизни, может ошибаться, отыскивая новые пути жизни, и его решение не может быть твердо: но ведь все мы согласились в том, что жизнь наша противна нашей совести и не дает нам блага. Поэтому нельзя не признавать справедливым желание выйти из этой жизни. Юноша может принять свою мечту за вывод разума, но я не юноша, и скажу вам про себя: слушая разговоры нынешнего вечера, мне пришла в голову та же самая мысль.

Та жизнь, которую я веду, очевидно для меня, не может дать мне спокойствия совести и блага. Это мне показывают и опыт, и разум. Так чего же я жду? Бьешься с утра до вечера для семьи, а на деле выходит, что и сам и семья живем не по-божьи, а все хуже и хуже увязаем в грехах. Делаешь для семьи, а семье ведь не лучше, потому что то, что делаешь для них, не есть благо. И потому я часто думаю, что не лучше ли бы, если б я изменил всю свою жизнь и сделал бы именно то, что сказал молодой человек: перестал бы о жене и детях заботиться, а только бы о душе думал. Не даром и у Павла сказано: "женившийся печется о жене, а неженившийся о боге". Не успел договорить этого женатый, как напустились на него все бывшие тут женщины и его жена. - Об этом нужно было раньше думать, - сказала одна из пожилых женщин. - Надел хомут, так тяни. Этак и всякий скажет, что хочу спастись, когда ему трудно покажется вести и кормить семью. Это обман и подлость. Нет, человек должен суметь в семье по-божьи жить. А то так-то легко спастись одному. Да и, главное, поступить так - значит поступить против учения Христа. Бог велел других любить, а этим вы для бога других оскорблять хотите. Нет, у женатого свои определенные обязанности, и он не должен пренебрегать ими. Другое дело, когда семья уже поставлена на ноги. Тогда делайте для себя, как хотите. А семью насиловать никто не имеет права. Но женатый не согласился с этим. Он сказал: - Я не хочу семью бросать. Я только говорю, что семью-то и детей надо вести не по-мирски, не к тому, чтоб они приучались жить для своей похоти, как вот мы говорили, а надо вести так, чтобы дети смолоду приучались к нужде, к работе, к помощи людям и, главное, к братской жизни со всеми. А для этого нужно отказаться от знатности и богатства. - Нечего других ломать, пока сам не по-божьи живешь! - с горячностью сказала на это его жена. - Ты сам жил смолоду в свое удовольствие, за что же ты своих детей и свою семью мучить хочешь? Пускай вырастут в покое, а потом что захотят, то и будут делать сами, а не ты их заставляй. Женатый замолчал, но бывший тут старый человек заступился за него. - Положим, - сказал он, - нельзя женатому человеку, приучив семью к известному достатку, вдруг лишить ее всего этого. Правда, что если уж начато воспитание детей, то лучше окончить его, чем все сломать. Тем более, что возросшие дети сами изберут тот путь, который найдут для себя лучшим. Я согласен, что семейному человеку трудно и даже невозможно без греха переменить свою жизнь. Вот нам, старикам, это и бог велел. Я про себя скажу: живу я теперь без всяких обязанностей, живу, по правде сказать, только для своего брюха: ем, пью, отдыхаю, и мне самому гадко и противно. Вот мне так пора бросить эту жизнь, раздать свое имение и хоть пред смертью пожить так, как бог велел жить христианину. Не согласились и со стариком. Тут была его племянница и крестница, у которой он крестил всех детей и дарил по праздникам, и его сын. Все возражали ему. - Нет, - сказал сын, - вы поработали на своем веку, вам надо отдохнуть и не мучить себя. Вы прожили шестьдесят лет с своими привычками, вам нельзя отстать от них. Вы только будете напрасно мучить себя. - Да, да, - подтвердила племянница, - будете в нужде и будете не в духе, будете ворчать и нагрешите больше. А бог милосерд и всех грешников прощает, а не только вас, такого доброго, дядюшка. - Да и к чему нам? - прибавил другой старик, ровесник дядюшки. - Нам уж с тобою всего, может быть, два дня жить осталось. К чему затевать? - Что за чудо! - сказал один из гостей (он все молчал). - Что за чудо! Все говорим, что хорошо по

божьи жить и что живем худо, и духом и телом мучимся; а как только дошло дело до дела, так выходит, что детей ломать нельзя, а надо их воспитывать не по-божьему, а по-старому. Молодым нельзя из воли родительской выходить, а надо им жить не по-божьему, а по-старому. Женатым нельзя жену и детей переламывать, а надо жить не по-божьему, а по-старому. А старикам не к чему начинать: и не привыкли они, да им два дня жить осталось. Выходит, что жить хорошо никому нельзя, только поговорить можно.

1888

Ходите в свете, пока есть свет

(Повесть из времен древних христиан.)

33. Выслушайте другую притчу. Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился.

34. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды.

35. Виноградари, схвативши слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями.

36. Опять послал он других слуг, больше прежнего: и с ними поступили так же.

37. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего.

38. Но виноградари, увидевши сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем убьем его, и завладеем наследством его.

39. И схвативши его, вывели вон из виноградника и убили.

40. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями?

41. Говорят ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои.

(Матф. XXI, 33-41.)

I.

Было это в царствование римского императора Траяна, 100 лет после Рождества Христова. Было в то время, когда живы еще были ученики учеников Христовых, и христиане твердо держались закона учителя, как сказано в деяниях: "У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения своего не называл своим; но все у них было общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении господи Иисуса Христа, и великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавали их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось в чем кто имел нужду" (Де-

ния, гл. IV, ст. 32-35). Жил в эти первые времена в стране Киликийской, в городе Тарсе, богатый купец, сирианин, торговец драгоценными камнями, Ювеналий. Вышел он из простых и бедных людей, но трудом и искусством в своем деле нажил богатство и уважение своих сограждан. Ездил он много по разным землям и, хотя не был учен, много узнал и понял, и городские люди уважали его за ум и справедливость. Веры он держался той римской, языческой, которой держались все уважаемые люди римской империи: той веры, исполнение обрядов которой стали строго требовать со времени Августа императора и которую твердо соблюдал и теперешний император Траян. Киликийская страна далеко от Рима, но управлялась римским начальником, и все, что делалось в Риме, отзывалось и в Киликии, и управители подражали своим императорам. Ювеналий помнил в детстве еще рассказы про то, что делал Нерон в Риме, видел потом, как гибли императоры один за другим, и, как умный человек, он понял, что во власти императорской и в религии римской ничего не было священного, но что все это было дело рук человеческих. Но вместе с тем, как умный человек, он понимал и то, что противиться этой власти было не выгодно, и что, для своего спокойствия, надо было подчиниться установленному порядку. И, несмотря на то, безумие всей окружающей жизни, особенно же того, что происходило в Риме, где он бывал по своим делам, часто смущало его. Были у него сомнения, он не мог обнять всего и относил это к своей необразованности. Он был женат и детей у него было четверо, но трое умерли в молодых годах, остался один, по имени Юлий. На этого-то Юлия Ювеналий положил всю свою любовь и все свои заботы. В особенности хотелось Ювеналию так воспитать Юлия, чтобы он не мучился теми сомнениями о жизни, которые смущали его самого. Когда Юлию минуло 15 лет, отец отдал его в учение к поселившемуся в их городе философу, принимавшему к себе юношей на обучение. Отец отдал его философу вместе с товарищем его, Памфилием, сыном умершего вольно-отпущенного раба Ювеналия. Юноши были ровесники, оба красивы и друзья. Юноши учились оба прилежно, оба были нрава хорошего. Юлий отличался более в изучении поэтов и математики, Памфилий же в изучении философии. За год до окончания их учения Памфилий, придя в школу, объявил учителю, что мать его, вдова, уходит с друзьями в небольшой городок Дафну, и что он должен итти с матерью, чтобы помогать ей, и потому должен оставить учение. Жалел учитель о потере ученика, делавшего ему честь; жалел Ювеналий, но больше всех жалел Юлий. На все увещевания оставаться и продолжать учение Памфилий остался непреклонен и, поблагодарив своих друзей за любовь к нему и заботы о нем, расстался с ними. Прошло два года, Юлий окончил учение и за все это время ни разу не видал своего друга. Однажды он встретил его на улице, зазвал к себе в дом и стал расспрашивать о том, как и где он живет. Памфилий рассказал ему, что он с матерью живет все там же. - Живем мы, - говорил он, не одни, но с нами много друзей, с которыми у нас все общее. - Как общее? спросил Юлий. - Так, что никто из нас ничего не считает своим. - Зачем же вы это делаете? - Мы христиане, - сказал Памфилий. - Неужели? - воскликнул Юлий. Христианином быть в то время было то же, что в наше время заговорщиком. Как только кого обличали в христианстве, так тотчас его сажали в тюрьму, судили его, и если он не отрекался, то казнили. Это-то ужаснуло Юлия. Он слышал всякие ужасы про христиан. - А как же мне говорили, что христиане убивают детей и едят их? Неужели и ты участвуешь в этом? -

Приди и посмотри, - ответил Памфилий. - Мы ничего не делаем особенного, мы просто живем, стараясь не делать ничего дурного. - Но как же можно жить, ничего не считая своим? - Мы кормимся. Если мы отдаем братьям наши труды, то они отдают нам свои. - Ну, а если братья берут труды ваши, и не отдают их, тогда как же? - спросил Юлий. Таких нет, - сказал Памфилий. - Такие люди любят жить роскошно и не придут к нам, жизнь у нас простая и не роскошная. - Да мало ли ленивцев, которые рады будут тому, чтобы их даром кормили. - Есть и такие, и мы охотно принимаем их. Недавно пришел один такой, бежавший раб. Сначала он, правда, ленился и жил дурно, но скоро изменил свою жизнь и теперь стал хорошим братом. - Ну, а если б он не исправился? - Есть и такие. Старец Кирилл говорит, что с такими-то и надо поступать, как с самыми дорогими братьями и еще больше любить их. - Разве можно любить негодяев? - Нельзя не любить человека! - Но как же вы можете давать всем то, что они просят? - спросил Юлий. - Если бы мой отец давал всем, кто просит, у него очень скоро ничего бы не осталось. - Не знаю, - отвечал Памфилий, - у нас остается на нужду. И если и случится, что нечего есть или нечем прикрыться, так мы у других просим и нам дают. Да это редко случается. Мне только раз и случилось лечь спать без ужина. Да и то оттого, что устал я очень и не хотелось итти к брату попросить. - Не знаю, как вы делаете, сказал Юлий, - только, как отец говорит, если свое не беречь, да если еще давать всем, кто просит, так сам с голоду умрешь. - Мы не умираем. Приди, посмотри. Мы живем и не только не нуждаемся, но даже много лишнего у нас. - Да как же это так? - А вот отчего. Исповедуем мы все один закон, но силы исполнения у всех разные; у одного больше, у другого меньше. Один усовершенствовался уже в доброй жизни, другой только начинает ее. Впереди всех нас стоит Христос с своей жизнью, и мы все стараемся подражать ему и в одном этом видим наше благо. Одни из нас, как старец Кирилл и жена Пелагея, стоят впереди нас, другие сзади, третьи еще сзади, но все идут по одному пути. Передовые уже близки к закону Христа - отречения от себя и погубили свою душу, чтобы приобрести ее. Этим ничего не нужно. Эти себя не жалеют и все последнее по Христову закону отдают просящему. Другие есть послабее, такие, которые не могут все отдать: ослабевают и еще жалеют сами себя, ослабевают без привычной одежды и пищи, и не все отдают. Есть еще слабее, те, которые только недавно вступили на путь. Эти живут еще по-старому, удерживают много для себя, и отдают только лишнее. И эти-то задние приходят на помощь передним. Кроме того, все мы перепутаны родством с язычниками. У одного отец язычник, держит имение и дает сыну. Сын дает просящим, но отец опять дает. У другого мать язычница, жалеет сына и помогает ему. У третьего дети язычники, а мать христианка, и дети покоят мать, дают ей и просят не раздавать, а она из любви к ним принимает и все-таки отдает другим. У четвертого жена язычница, а муж христианин. У пятого муж язычник, жена христианка. Так перепутаны все, и передние рады бы отдать последнее, да не могут. Этим-то и поддерживаются слабые в вере, и от этого-то набирается много лишнего. На это сказал Юлий: Но если так, то вы, значит, отступаете от учения Христа, и только вид делаете. А если вы не все отдаете, то и нет между нами и вами разницы. По мне, если уже быть христианином, так исполнять все. Отдать все, и остаться нищим. - А это лучше всего, - сказал Памфилий. - И сделай так. - Да, я сделаю, когда увижу, что вы делаете. - Мы ничего показывать не хотим. И тебе не советую итти к нам и вы-

ходить из своей жизни для показа. Делаем мы то, что делаем, не для показа, а по вере нашей. - Что значит по вере? - А по вере значит то, что спасение от зол мира, от смерти только в жизни по учению Христа. И для нас все равно, что скажут про нас люди. Мы делаем не для людей, а потому что только в этом мы видим жизнь и благо. - Нельзя не жить для себя, - сказал Юлий. - Боги сами вложили в нас то, что мы любим себя больше других и ищем себе радостей. И вы то же самое делаете. Ты сам говорил, что и из ваших есть, которые себя жалеют. Они будут больше и больше готовить себе радостей, и все больше будут бросать вашу веру, и будут то же делать, что и мы. - Нет, - отвечал Памфилий, - наши идут по другому пути и никогда не слабеют, а все сильнееют, как огонь никогда не потухнет, когда на него подкладывают дрова. В этом-то и вера. - Не пойму я, в чем эта вера? - Вера наша в том, что мы понимаем жизнь так, как объяснил нам ее Христос. - Как же? - Христос сказал такую притчу: "Жили виноградари в чужом саду и должны были платить оброк хозяину. - Это мы, люди, живем в мире и должны платить оброк богу, исполнять его волю. А люди же по мирской вере подумали, что сад ихний, что им за него платить нечего, а только и дела, что пользоваться плодами его. Прислал к людям хозяин посланного, чтобы получить оброк, а они выгнали его. Прислал своего сына за оброком, а они убили его, думая, что после этого никто уже им не помешает. Вот это мирская вера, по которой живут все люди мира, непризнание того, что жизнь дана только для того, чтобы служить богу. Христос же научил нас тому, что мирская вера о том, что человеку будет лучше, если он прогонит из сада посланного и сына хозяина и не даст оброка, что эта вера ложная, потому что не миновать, либо дать оброк, либо быть выгнанными из сада. Он научил нас тому, что все радости, которые мы называем радостями: еда, питье, веселье - не могут быть радостями, если в них полагается жизнь; что они радости только тогда, когда мы ищем другого: исполнения воли бога, что только тогда эти радости, как награда настоящая, следует за исполнением воли бога. Хотеть брать радости без труда исполнения воли бога, отрывать одни радости от труда, это все равно, что разрывать стебли цветов и рассаживать их без кореньев. Мы верим в это, и потому не можем искать обмана, вместо правды. Вера наша в том, что благо жизни не в ее радостях, а в исполнении воли бога без мысли о радостях и надежды на них. И мы живем так и что дальше живем, то больше видим, что радости и благо, как колесо за оглоблями, идут по пятам за исполнением воли бога. Учитель наш сказал: Придите все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем и найдете покой душам вашим. Ибо иго мое благо, и бремя мое легко". Так говорил Памфилий. Юлий слушал его, и сердце его трогалось, но ему было не ясно то, что говорил Памфилий; ему казалось, что Памфилий обманывает его; тогда глядел он в добрые глаза своего друга и вспоминал его доброту, и ему казалось, что Памфилий сам обманывает себя. Памфилий приглашал Юлиа приехать к ним, чтобы посмотреть на их жизнь и, если она ему понравится, остаться жить с ними. И Юлий обещал, но не поехал к Памфилию. И, увлекшись своею жизнью, забыл о нем. (Он как будто боялся того, чтоб жизнь их не привлекла его к себе. Он представлял себе жизнь христиан такую, при которой необходимо отречься от всех радостей жизни, а он не мог отречься от них, потому что в них полагал жизнь. Он осуждал христиан и дорожил этим осуждением, боялся перестать осуждать их и потому

искал случая находить в них дурное. Когда бы, где бы он ни встречал христиан в городе, он тотчас находил в них предлог для осуждения. Когда он видел их на торгу, продающих плоды и овощи, он говорил себе, а иногда и им: вот вы говорите, что не имеете ничего своего, а вот продаете за деньги, а не отдаете даром всякому, кто хочет взять. Вы обманываете себя и нас, говорил он, и не хотел входить в рассуждения с ними, почему они считали нужным и справедливым продавать на торгу, а не отдавать даром. Когда он встречал христианина в хорошей одежде, он упрекал его за то, что он еще не отдал ее. Ему нужно было, чтоб христиане были виноваты, а так как они никогда не отрицали своей вины, то они и были виноваты в его глазах. В его глазах они были притворщики, обманщики, которые говорили, но не делали. Он говорил: я, по крайней мере, что говорю, то и делаю, а вы говорите одно, а делаете другое. И когда он уверял себя в этом, он был покоен и оставался жить по-прежнему).

II.

(Нрава Юлий был доброго, но, по обычаю богатых молодых людей, он имел рабов и нередко жестоко наказывал их, когда они не исполняли его приказания, или когда он бывал не в духе. Он имел много дорогих, ненужных вещей и одежд, и приобретал еще больше таких; любил театры и зрелища; и уж с молодых лет имел любовниц, и предавался в обществе своих друзей объяденью и пьянству. Жизнь его, казалось ему, шла весело, потому что он не видал своей жизни - вся она проходила в забавах, так что некогда было и подумать о ней. Так ушло два года. И Юлий думал, что он проживет так всю жизнь. Но это было невозможно. В такой жизни, какую вел Юлий, все надо усиливать забавы для того, чтобы было все одинаково весело. Если ему сперва весело выпить чашу своего вина с приятелем, то после повторения такого же удовольствия несколько раз, нужно было выпить уже две чаши вина и более хорошего качества, чтобы было также весело. Если сперва весело побеседовать с приятелем, то часто это уже надоедает, и чтобы было также весело, нужно беседовать уже с приятельницей; а потом и этого мало, нужно еще другое. Потом и этого мало, одни и те же приятельницы надоедают, нужно переменить их. И так во всех удовольствиях тела. Чтобы удовольствие не прекращалось, нужно постоянно усиливать его. А чтобы усиливать удовольствие, увеличивать его, нужно требовать больше от других людей; а чтобы заставлять делать других людей то, что мне хочется, есть и было у простых людей - не у властителей - одно средство - деньги. Так было и с Юлием. Он предавался удовольствиям тела, но не был властителем, и потому ему нужно было постоянно увеличивать их, - нужны были деньги). Отец Юлия был богат, любил единственного своего сына, гордился им и не жалел для него денег. Жизнь Юлия проходила так, как проходит жизнь богатых молодых людей: в праздности, роскоши и развратных увеселениях, которые всегда были и остаются одни и те же: вино, игра и разгульные женщины. Но удовольствия, которым предавался Юлий, все больше и больше требовали денег, и их стало недоставать у Юлия. Он раз попросил у отца больше, чем то, что отец обыкновенно давал ему. Отец дал, но сделал выговор. Сын, чувствуя себя виноватым и не желая сознаться в своей вине, разозлился, наругал отца, как всегда злятся те, которые знают свою вину и не хотят сознаться в ней. Взятые у отца деньги очень скоро вышли. И, кроме того, в то же самое время Юлию случилось с пьяным товарищем связаться в драку и убить человека. Начальник города узнал это и хотел взять под стражу

Юлия. Но отец выхлопотал ему прощение. В это-то время Юлию по его разгульным делам понадобилось еще более денег. Он занял у товарища и обещал отдать ему. Кроме того, любовница его требовала от него подарок; полюбилось ей жемчужное ожерелье, и он знал, что если он не исполнит ее просьбы, она бросит его и сойдется с богачем, который уже давно отбивал ее от Юлия. Юлий пришел к матери и сказал ей, что ему необходимы деньги, что если он не достанет столько, сколько ему нужно, он убьет себя. В том, что он находился в таком положении, он винил не себя, но отца. Он говорил: отец приучил меня к роскошной жизни, а потом стал жалеть на меня денег. Если бы он дал мне сначала без укоров то, что он дал мне после, я бы устроил свою жизнь и не нуждался, но так как он всегда давал мне недостаточно, я должен был обращаться к ростовщикам, и они высасывали из меня все; и для жизни, свойственной мне, как богатому юноше, мне ничего не оставалось делать, и мне стыдно перед товарищами. А отец ничего этого не хочет понимать. Он забыл, что сам был молод. Он довел меня до этого положения. И теперь, если он не даст мне того, что я прошу, я убью себя. Мать, баловавшая сына, пошла к отцу. Отец позвал сына и стал бранить и его и мать. Сын грубо ответил. Отец ударил его. Сын схватил за руки отца. Отец крикнул рабов и велел связать сына и запереть его. Оставшись один, Юлий проклинал отца и свою жизнь. Смерть его или отца представлялась ему единственным выходом из того положения, в котором он находился. Мать Юлия страдала больше его. Она не разбирала того, кто был виновен во всем этом. Она только жалела о любимом детище. Ока пошла к мужу умолять его о прощении. Муж не стал слушать ее, стал упрекать ее в том, что она развратила сына; она упрекала его и кончилось тем, что муж избил и жену. Но мать ни во что считала свои побои, пришла к сыну, уговаривала его, чтобы просил прощения у отца и покорился ему. За это она обещала сыну тайно от отца дать те деньги, которые ему были нужны. Сын согласился, и тогда мать пошла к своему мужу и попросила его простить сына. Отец долго бранил жену и сына, но, наконец, решил, что он простит сына только с тем условием, чтобы он бросил свою распутную жизнь и женился бы на дочери богатого купца, которую отец обещал высватать за сына. "Он получит от меня деньги и приданое жены, сказал отец, и тогда пусть начнет правильную жизнь. Если он обещает исполнить мою волю, я прошу его. Теперь же я ничего не дам ему и при первой его вине отдам его в руки начальника". Юлий на все согласился и был выпущен. Он обещался жениться и бросить свою дурную жизнь. Но он не намеревался этого сделать. И жизнь дома для него теперь сделалась адом. Отец не говорил с ним, бранился с матерью из-за него. Мать плакала. На другой день мать позвала его в свои покои и тайно передала ему драгоценный камень, который она унесла у мужа. - Поди, продай его, не здесь, а в другом городе, и исполни то, что надо, а я сумею скрыть эту пропажу до времени. А если откроется, то вину возложу на одного из рабов. Слова матери тронули сердце Юлия. Он ужаснулся того, что она сделала, и, не взяв драгоценного камня, ушел вон из дома. Он сам не знал, куда и зачем он идет. Он шел вперед, все вперед, вон из города, чувствуя необходимость остаться одному и обдумать все то, что было с ним и что ожидает его. Идя все вперед и вперед, он вышел из города и вошел в священную рощу богини Дианы. Войдя в уединенное место, он стал думать. Первая мысль, которая пришла ему, была о том, чтобы просить помощи у богини. Но он не верил уже в богов своих, и потому знал, что от них